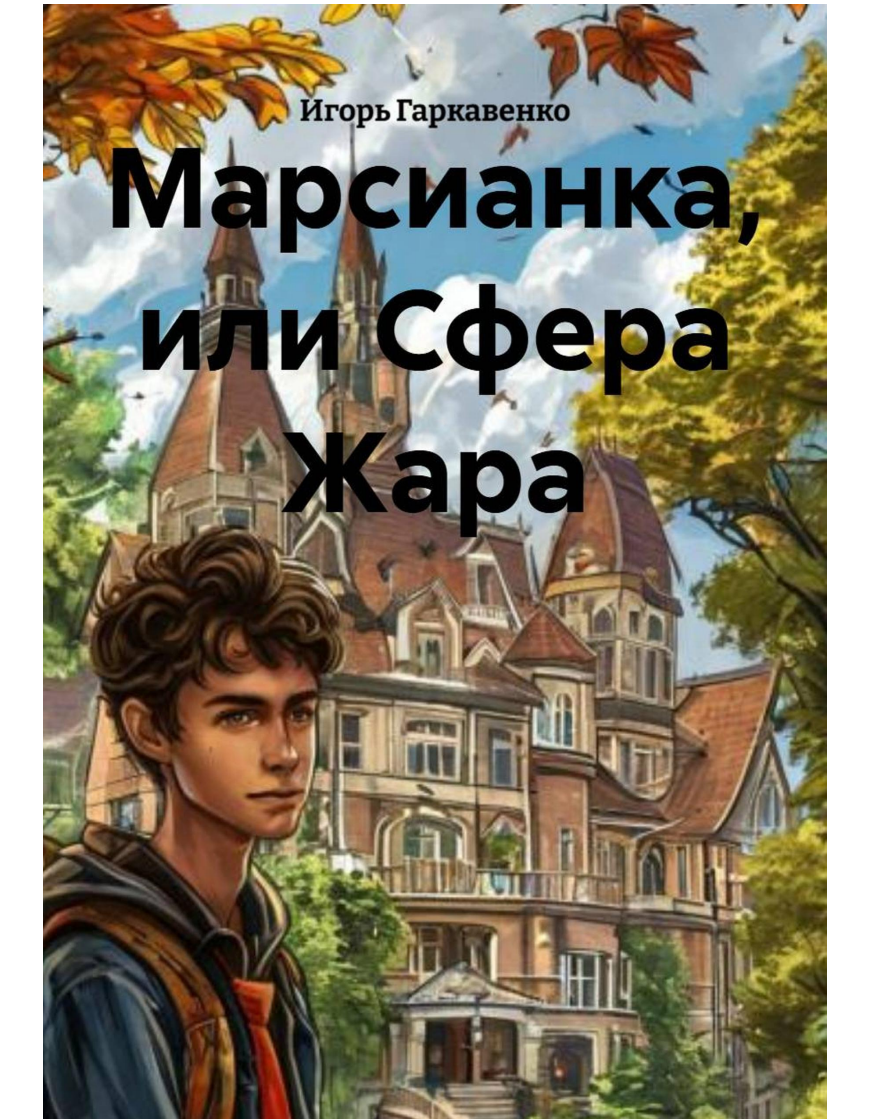

The background of the cover is a detailed illustration. In the foreground, a young man with dark, curly hair and a serious expression looks slightly to the right. He is wearing a dark blue jacket with a red scarf. Behind him is a large, multi-story Victorian-style house with a prominent red-tiled roof, multiple chimneys, and a wrap-around porch. The house is surrounded by lush green trees. In the upper left corner, there are some autumn leaves in shades of yellow and orange. The sky is blue with some white clouds and a few small birds flying.

Игорь Гаркавенко

Марсианка, или Сфера Жара

Игорь Олегович Гаркавенко

Марсианка, или Сфера Жара

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73056633

SelfPub; 2026

Аннотация

Илья Приключенский – обыкновенный студент-первокурсник Уральского магического-паранормального университета, где помимо обычных миру наук преподают чародейство, а учащиеся магического факультета каждый день скрываются в секретном корпусе, куда по легендам Илья не имеет права даже шагнуть! Впрочем, его жизнь и без этого дышит всеми красками: верные друзья, человек-рак и человек-жираф, не дают братве заскучать, а симпатичная староста-марсианка и не думает давать одногруппнику прохода. В конце концов, начинающему специалисту всё же потребуется оправдать свою фамилию...

Содержание

Часть первая. Я начинаю заниматься спортом.	6
Часть вторая. Мы разрабатываем очень секретный план.	58
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Игорь Гаркавенко

Марсианка, или Сфера Жара

Студенческим годам посвящается

«Марсианская кишка – это располагающийся рядом с кишечником орган, который позволяет человеку преобразовывать жизненные силы в природные явления. Эта кишка не только влияет на центральную нервную систему и вырабатывает некоторые гормоны, но и способна использовать энергию организма для её трансформации в так называемую магию. Например, данный орган в состоянии преобразовывать внутреннее тепло тела человека в поток огня, который может выходить из ладоней так, как носитель марсианской кишки пожелает. Впрочем, использовать заклинания (именно так принято называть явления, получающиеся с помощью кишки), на протяжении длительного времени невозможно без больших затрат жизненных сил. Таким образом, использование магии строго ограничено возможностями тела человека. Дадим определение магии:

Магия или же чародейство (реже волшебство) – это общепризнанное название способности использовать заклинания, которые марсианская кишка предоставляет человеку в пользование. Магия позволяет обученному человеку, кото-

рый от рождения получает возможность интегрировать в себя магические основы и принципы, то есть имеет в организме марсианскую кишку, материализовывать желаемые предметы, в некотором смысле повелевать природными стихиями и оказывать влияние на живых существ.

Чародейство осуществляется с помощью специальных заклинаний, список которых закреплён в Международном Кодексе Магов, применение всех чар должно неразрывно следовать с моралью чародея, ни в коем случае не наносить ущерба людям и окружающей среде. Использование некоторых заговоров в своих корыстных целях преследуется по закону...»

«Маговедение и основы чародейства», выдержка из первого параграфа.

Учебник для всех форм обучения за авторством доцента кафедры «Магия и маговедение» Килопчёлова Климента Ивановича.

Часть первая. Я начинаю заниматься спортом.

Не знаю, как так получилось, но уже с первого семестра моего обучения я не полюбил дополнительные занятия в университете. Вы наверняка захотите спросить, мол, каким образом, Илья? Ты же был примерным учеником в школе! А ответ весьма прост – они просто-напросто до безумия скучны: наш преподаватель постоянно на них опаздывает, да так, что даже не успевает пригладить последние седые волосы на стремительно лысеющей голове, потому что данная нам аудитория располагается у чёрта на куличиках, а большую часть времени мы сидим в полной тишине с лицами настоящих страдалцев и слушаем тишайшие комментарии по каким-то задачам, которые мы, как правило, забываем через час в лучшем случае.

В эту же самую ситуацию я и попал. В длинной и узкой аудитории разместилось сразу несколько групп с одного факультета, и десятки человек были заняты своими привычными студенческими делами: некоторые старательно учились и что-то записывали в свои тетрадки, преимущественно это были те, кто располагался на первых рядах парт, другие боролись в неравной схватке со сном, подпирая плоские подбо-

родки ладонями, третьи же болтали о чём-то с одноклассниками, благодаря судьбу за то, что они пришли достаточно поздно, чтобы сесть на задние парты.

Я же сидел где-то в середине левой части кабинета и мысленно считал минуты до окончания пары, которые тянулись так медленно, словно специально дразнили всех присутствующих. Преподаватель стоял за кафедрой и что-то тихо-тихо рассказывал студентам, да так медленно и непонятно, что вся информация проходила сквозь мою голову. От скуки я разглядывал лица студентов с потока, очертания которых будто бы размывались... Нет, зрение не должно меня подводить — я не ношу очков, а если б и носил, то уж точно не забывал бы их надевать.

В это время синяя авторучка в моих руках крутилась и вертелась, всё норовя сорваться с моихдвигающихся вперёд-назад пальцев, пока в один момент у неё это не получилось, и канцелярская принадлежность с ярким и мелодичным стуком сначала ударилась о парту, а потом упала на пол. Я почти на автомате повернулся и, наклонившись, потянулся за потерянным инструментом. Знаете, я всегда считал, что у меня весьма длинные руки, тем более это было даже логично, учитывая мой рост, однако в этой ситуации всё стало играть в совершенно не ту сторону: как бы я ни тянул и ни вытягивал кисть к ручке, она как будто всё удалялась и удалялась от меня. Что это такое? Преподаватель уже прочитал добрую треть лекции, а мой конспект остановился на пункте

под названием «дата».

Я решил действовать решительнее и ещё сильнее пододвинулся на стуле, уйдя под парту практически с головой. Вот ещё момент, и... Когда мои указательные и большие пальцы обхватили корпус ручки, какой-то большой чёрный предмет вдруг навалился на мою принадлежность, не давая ему даже сдвинуться с места. Конечно, я опешил от такой наглости, кто бы её ни проявлял, и поднял глаза на моего объявившегося противника, который, к счастью, оказался лишь высокой платформой зимнего женского ботинка, шнуровка с язычком которого доходила до середины голени девушки.

– Ой, извини, – вдруг послышался её тихий, и даже какой-то совсем немного стесняющийся голосок.

После этих слов платформа отодвинулась назад, высвобождая из своего плена ручку. Наконец, я вернул её в своё распоряжение, а поэтому аккуратно поднялся и вышел к исходному положению.

Теперь в моих руках оказались все средства для учёбы и конспектирования, но... Вдруг меня охватило какое-то непреодолимое любопытство, ведь мне стало просто до жути интересно, как выглядела моя, как оказалось, соседка, которую я будто бы старательно игнорировал и которая заявила о себе лишь тогда, когда наступила на канцелярию. Я повернул голову направо, и моему взору предстала с первого взгляда неприметная и даже простая девушка, которых в универси-

тете десятки и сотни, если не тысячи. Её лицо было румяным и весьма округлым, все черты на нём были очень плавными и чересчур спокойными, завершали эту картину чуть пухлые губы и такой аккуратный и необычный нос, что мне показалось, будто его кончик даже немного отливал наивным розовым цветом. Очевидно, соседка заметила моё явно нездоровое внимание к её лику и повернула голову прямо на меня, осматривая меня таким подозрительным взглядом, что мне даже стало как-то не по себе. И этот взгляд был обязан не только её огромным, синим глазам, в которых достаточно легко читалось всё вселенское спокойствие, но и очкам с синей опрятной оправой и такими толстенными линзами, которые будто были призваны делать взгляды этой девчонки чрезвычайно острыми и пронзающими.

Очевидно, этого слегка надменного, но дружелюбного взгляда я не выдержал и опустил глаза чуть ниже, на зелёно-синюю водолазку соседки, что была заправлена в облегчающие джинсы, но вдруг девушка снова заговорила:

– Я ручку отпустила? – она выдержала ненужную и томительную паузу, окончания которой я едва дождался, после чего она стремительно ответила сама себе. – Отпустила. Теперь пиши.

Я молча повиновался, но слова преподавателя, которые и до этого не сильно стремились падать ко мне в уши, стали совсем убегать от меня и разбегаться в разные стороны. Я изо всех сил водил пером по тетради, но мои движения по-

лучались неточными, нетвёрдыми и прерывистыми: ручка то соскальзывала с бумаги, оставляя на ней бледные крючки, то даже рвала в клочья тетрадный лист! У меня не получилось написать и слова, как вдруг таинственная соседка наклонилась прямо ко мне так, что её длинные каштановые волосы даже коснулись моего правого предплечья, после чего она прошептала что-то совершенно невнятное и непонятное. Я хотел переспросить, ибо в глубине души понимал, что незнакомка могла сказать что-то важное, но мои слова утонули в шуме голосов аудитории, который в этот момент особенно усилился, перейдя из фонового шёпота в отчетливое бормотание.

Я был готов отдать многое в тот момент, чтобы разобрать хоть слово!

Но вдруг раздался громогласный грохот! Я инстинктивно дёрнул плечами и посмотрел туда, откуда и выходил этот ужасный звук, — на входную дверь. Я понял, что какая-то неведомая для присутствующих сила с невероятным остервенением распахнула двери аудитории, словно они были легче пера!

Каково же было моё удивление, когда мне стало ясно, что за таким хулиганским действием стоял даже не человек, а какое-то адское существо: после открытия двери в наше помещение стали проникать огромные зелёные щупальца, словно в коридоре притаился гигантских размеров осьминог!

Я снова посмотрел на соседку, лицо которой не измени-

лось от слова совсем, она только продолжала еле заметно кивать головой и двигать пересохшими губами так легко и по-дозрительно, словно она вовсе ничего и не замечала.

Тем временем щупальца стали хватать и переворачивать парты, стоящие возле входа, тянуться к студентам и наводить абсолютный беспорядок. Преподаватель, заметив нарушителя, отвлёкся от лекции и применил какое-то заклинание, после чего щупальца сморщились и моментально покинули аудиторию. И только дверь закрылась, как занятие продолжилось, словно ничего и не происходило.

...Но неожиданно прозвенел звонок: тонкий, яркий, мелодичный и почему-то необыкновенно громкий – чем-то мелодия отличалась от привычной университетской. Звон всё переливался и выливался из динамиков, становясь всё громче, увереннее, пока не перерос в истошный рёв, который так сильно бил по моим ушам, что мне пришлось даже закрыть их ладонями. Удивительно, но никто из присутствующих на лекции даже и бровью не повёл: кто-то всё также старательно писал в тетради, преподаватель что-то говорил и не обращал ни малейшего внимания на то, что его слова полностью утопают в нескончаемом шуме. Звонок тем временем перерос из грохота в ожесточённый крик сирены, которая одним своим страшным тоном будто бы заставляла меня вскочить со стула и убежать от неё куда-то далеко. От бесконечного шума всё моё нутро стало будто бы дрожать и дребезжать в такт чудовищной музыке, и я даже не заметил, как в попытке

спастись от этого бесконечного кошмара и найти хоть что-то, что спасёт меня от раздавливания грохотом, случайно упал со стула...

...Аудитория закружилась перед глазами, превращаясь во что-то бесформенное, собираясь и растягиваясь в длинную линию без каких-либо видимых границ, пока вовсе не пропала...

* * *

...Я открыл глаза и еле как поднял голову. Проклятый звон преследовал меня даже здесь, после пробуждения, когда мир снов был покинут. Однако теперь я знал, какая дьявольская машина создавала эту нестерпимую какофонию! Ловко перевернувшись в своей постели, я дотянулся до будильника, который словно гордый часовой стоял на коричневой тумбочке, и с сильнейшей злобой ударил по нему, будто он будил меня просто ради того, чтобы как-то позлить, а не по моей вечерней просьбе. Наконец, адский звук перестал будоражить мой разум, и тишина снова опоясала помещение.

Конечно, всем известна опасность ситуации, когда утренний мучитель уже заткнут, а тело ещё не проснулось: в такие моменты главное взять себя в руки и не отдаться коварному предрассветному сну, мысль о котором особенно сладка сразу после пробуждения. Я через силу оторвал торс от такой

мягкой постели, глупо уставившись полузакрытыми глазками куда-то в противоположную стену.

— Что же мне такое снится в последнее время? — сказал я в какую-то пустоту, совершенно не ожидая ответа.

Пора было вставать, чтобы не опоздать в университет. Поднявшись с кровати, я почувствовал, как у меня слегка закружилась голова, от этого я ненароком опустил взгляд в пол, на ножку кровати, заметив возле неё бессмысленно лежащие двухкилограммовые гантели. Конечно, я уже давно забросил утренние занятия, и теперь они выполняли лишь одну роль — смотрели на меня с презрением, заставляя чувствовать меня совестно, а иногда и сильно били меня по ногам, когда я ненароком спотыкался о них мизинцами.

Расправив спину, я осмотрел единственную жилую комнату в моей скромной студенческой берлоге: раскрытые синие шторы уберегали её от утренних солнечных лучей, металлическая сушилка еле как стояла на своих прямых ногах рядом с расправленным диваном под гнётом моей стиральной одежды, а напротив стояла массивная деревянная тумба. Отдельно от всего этого располагался мой рабочий стол, на котором я не убирался все недельные будни, от этого он имел весьма плачевный вид в виде нагромождения необъятных куч скомканных бумаг и бутылок.

Шатаясь и еле передвигая ноги, я доковылял до ванной и, распахнув дверь, включил свет в этой крохотной комнатке. Я никогда не думал, что в моей ванной комнате есть хоть

что-то да и необычное, ведь она выглядела точно также, как десятки других ванн: желтоватая плитка на полу и на стенах, крохотная душевая кабинка и такая маленькая раковина со шкафчиком снизу, что в ней не помещались мои ладони.

Первым делом я привёл себя в порядок, принял освежающий контрастный душ, который, к сожалению, всё равно не помог мне избавиться от утренней сонливости, а после выдавил из тюбика немного зубной пасты и вычистил полость рта. Окатив лицо тёплой водой, я аккуратно упёрся руками в раковину и посмотрел на своё отражение в зеркале. На меня смотрело обычное и совсем не примечательное мальчишеское лицо с не самой идеальной кожей, почти незаметными светлыми бровями, круглым небритым подбородком и какими-то чересчур грустными глазами. Да, даже не верится, что я уже как некоторое время взрослый. Включив фен, я высушил мои коротенькие коричневатые волосы, которые расчёской смешно уложил набок, сформировав привычную чёлку.

Покинув ванную комнату, я облачился в тёмные университетские штаны, заправил в них белую рубашку и отправился на кухню, чтобы приготовить завтрак холостяка (так я называл яичницу). Вид почти пустого холодильника всегда меня удручал, но в этой ситуации я не мог поделаться практически ничего, поэтому включил электрическую плиту.

Когда еда была готова, я засел за мой кухонный стол, за который могло поместиться максимум два человека, так как он был угловым и прислонялся к стене. Во время трапезы я

смотрел в окно, выходящее прямо на университетский городок. Студенты в это прекрасное и солнечное майское утро спешили на занятия: толпы разноцветных людей выходили из общежитий, проходили по асфальтированным дорожкам, может быть, любовались многолетними деревьями, которые шевелили своими раскидистыми кронами от прохладного, почти летнего ветерка, и скромными зелёными кустиками возле зданий образовательного дома, а после скрывались в дверях главного учреждения. Всё-таки хорошо, что я имел отдельную квартиру, а не койку в общежитии, даже несмотря на то, что оно располагалось в минуте ходьбы от университета. Я был родом из другого города, и мои родители любезно уступили мне эту холостяцкую берлогу, которую они до моего поступления сдавали точно таким же студентам.

Я закончил трапезу и уже начал думать о скором выходе в этот ленивый пятничный день, как вдруг мои мысли прервал уверенный и такой громкий стук во входную дверь, что я невольно вздрогнул, вернее, это был даже не стук, а очередь из быстрых ударов по металлу. Я уже хотел возмутиться невиданной бестактности моего посетителя, как мозг успокоил меня, напомнив про существование в моём окружении человека, который позволяет таким образом уведомлять о его приходе, хотя и если бы я не закрывал дверь, то уж поверьте, он бы спокойно входил ко мне в любое время суток.

Я лениво зашёл в коридор, а ведь надо заметить, что грохотание маленьких кулачков не прекращалось даже на секун-

ду! Моя рука быстро повернула жёлтую ручку замочка, затем с двери слетела недлинная цепь, и я открыл вход в свое жилище.

На пороге, как я и предполагал, стояла худенькая девушка среднего роста в разноцветной маечке с какими-то чересчур вырвиглазными рисунками канализационных демонов, что протыкали друг друга наточенными до одурения рогами, на бёдрах у неё сидели джинсовые шорты до самых колен, они как-то потешно загибались несколько раз у чашечек и немного сползали с осиной талии, а на ногах болтались голубые-голубые шлёпанцы, которые будто так и мечтали слететь с тоненьких ступней. Утренняя гостья выглядела слегка разочарованно, но в то же время и возбуждённо: её изящные и полностью открытые руки лежали одна на другой перед небольшой грудью, постоянно почёсывая предплечья короткими и фиолетовыми ноготочками, пока большие глаза бегали туда-сюда, а когда дверь открылась – принялись осматривать меня с ног до головы, будто в первый раз. Её розовое плечо тянула к полу лямка массивной сумки. Чёрные волосы девушки были, как и всегда, заплетены в две большие и смешные косички прямо с двух сторон головы, придавая её взрослому серьёзному лицу какую-то юношескую откровенность и контрастируя с немного смугловатой кожей.

– Приве-е-ет! – заговорила как-то надменно после недлительной паузы незнакомка, помахивая открытой ладонью перед моим лицом. – Битый час тебя дожидаясь.

Знакомьтесь, моя закадычная подруга или уже жена, как удобнее. Эту с виду незаметную мышку зовут Ираида Краско, и она терпеть не может, когда к ней обращаются полным именем, а потому всех своих знакомых и друзей, а иногда даже и преподавателей, просит называть себя просто Ирой. Она является моей одноклассницей и по совместительству старостой нашей группы.

– Доброе утро, Ира, – сказал я так обыденно, но отнюдь не безразлично, будто бы это приветствие давно превратилось в обыкновенную, но каждый раз приятную привычку. – Зачем так стучать? Я прекрасно слышу.

– Ты время-то видел?! – она вдруг всплеснула руками и приняла крайне удивлённое выражение лица. – На занятия ведь опоздаем!

Вслед за её словами я аккуратно сделал шаг назад, в глубину коридора, освобождая место возле дверного косяка, в который девушка моментально даже не зашла, а влетела, принявшись водить своими шальными глазками по уже совсем не новым и чуть обшарпанным обоям, коричневой вешалке для верхней одежды и весьма модной подставке для обуви в виде массивного полукомода, будто бы я только-только въехал в новую квартиру и позвал её на новоселье.

Но задерживаться в прихожей непоседа, естественно, не имела никакого повода, поэтому Ира, наспех сбросив шлёпанцы возле коричневого ковра, босиком пробежала в единственную жилую комнату, которая служила и моей спальней,

и рабочим кабинетом.

– Кошмар, как у тебя душно! – снова заговорила она, демонстративно обмахивая своё разгорячённое лицо руками то ли ради демонстрации спёртости воздуха в холостяцком жилище, то ли из-за того, что бегом поднималась на последние этажи моего дома, который в шутку студенты университета прозвали суперхрущёвкой, и, судя по её немного учащённому дыханию, самым реалистичным вариантом был второй.

Ира добежала до моего окна, которое выходило на балкон, откинула в сторону штору и одним ловким движением приоткрыла окошко, заставив занавеси слегка надуться, словно парус бригаантины от могучего воздушного потока. Но стоило ей решить одну проблему в моём жилище, как девчонка, обернувшись и быстро оглядев захламлённый дубовый стол, обнаружила другую.

– Господи, какой бардак! – её лицо приняло ужасающий и одновременно удивлённый вид, полный страха и отчаяния от мысли о том, что комендант общежития заносит грозным чёрным-пречёрным фломастером номер комнаты Иры в список самых грязных обитателей общаги и весит злополучный листок у всех её подружек на виду за бардак катастрофических масштабов, но вдруг она вспомнила, что это не её квартира, поэтому и убрала руки от разинутого рта.

– Как так можно жить, ах, как можно? – приговаривала она, пока тащила с кухни несколько прозрачных целлофа-

новых пакетов, в которые стала складывать мусор: бумагу в один, а пластик – в другой, ибо за несортировку мусора на территории университета строго карали, однако я ведь жил не на территории университета... – Как в такой обстановке можно думать?!

– Ирочка, спасибо, но я сам бы мог прибраться, – я стал подходить к ней со спины, понимая, что уже не смогу остановить этот пошедший вразнос двигатель, но в моих силах было хотя бы незаметно попробовать её уговорить хоть на секунду. – Это же не общага, никто меня за это не накажет.

Я подошёл почти вплотную к ней и аккуратно положил руки на тонкие и загорелые плечи, в надежде хоть на мгновение замедлить неугомонные руки, но Ира была непреклонна и спокойно складывала в мешки пустые бутылки и порванные листки бумаги. Я только почувствовал от её тела приятный жар и уловил еле слышимый запах пота, самого обыкновенного пота, словно от обычной девчонки.

Ираида была марсианкой. Нет, не в том смысле, что она родилась на другой планете, ибо она практически не отличалась от меня. Таким весьма обидным прозвищем в простонародье называли тех, кто входил в отдельный тип людей, который был абсолютно не способен научиться магии по причине того, что марсианская кишка отсутствовала в организмах людей такого склада.

Причин подобной аномалии много: эта кишка могла не сформироваться от рождения (подобный феномен до сих

пор не изучен, однако каждый десятый человек на планете считается марсианином), могла и пропасть уже в сознательном возрасте из-за физических повреждений.

Но, к сожалению, на этом список отличий марсиан от обычных людей не заканчивался: помимо ограниченности в виде магии, марсиане и марсианки практически не умели скрывать эмоции, намерения, были исключительными наивными добряками, что сильно выделяло их на фоне магов, обычных людей и людей-животных. Естественно, это и определяло их поведение, за которое многие даже их сторонились.

– Ну, не общага, и что? Всё равно же надо порядок поддерживать, а то однажды потеряешь что-нибудь важное, и пиши пропало! – на этих словах она закончила набивать очередной пакет и стала его завязывать, чем я тут же воспользовался и поймал мусор в воздухе, закинув поближе к входной двери. – Держи, вынесем по дороге, ага?

Когда с уборкой было покончено, Ира выдохнула и, проведя правой ладонью по лбу, повернулась ко мне, глядя снизу своими глубочайшими и понимающими глазами прямо на меня. В это время я глубоко вздохнул и сказал:

– Ты что-то хотела?

Ираида на секунду задумалась, а потом, когда реле в её голове щёлкнуло, в очередной раз вернулась к своему детскому амплуа.

– А, да, точно! Мне бумага нужна была миллиметровая! –

она резко повернулась и оглядела мой ставший идеально чистым стол. – Вот, я возьму?

– Возьми, возьми... – я закатил глаза, наблюдая, как мои последние голубые и расчерченные листы скрываются в бездонной сумке марсианки.

– Так, а ты чего стоишь? Собирайся быстрее! – Ира буквально кинула мне чёрную жилетку с эмблемой института и гербом факультета, которую я ещё с вечера положил на стул возле стола, после чего мне ничего не осталось, как облачиться в костюм плешивого студента. Я повязал галстук и двинулся к коридору.

– Ты есть хочешь? – спросил я, надевая ботинки и накидывая на плечо серую потрёпанную суму.

– Нет, спасибо, я в общежитии. – Ира запрыгнула в обувь и принялась тонкими ручонками чуть ли не выталкивать меня за дверь. – Быстрее, быстрее!

– Ирочка, мы никуда не опаздываем, если мои часы, конечно, мне не врут, – невозмутимо вымолвил я, принявшись закрывать дверь квартиры на ключ, стоило лишь марсианке выскользнуть из проёма.

Мы оказались в коридоре хрущёвского типа, и, если говорить начистоту, мне он никогда не нравился, а всё из-за того, что он выглядел непрезентабельно и весьма уныло, в частности от того, что ремонт в нём не проводился с самой сдачи проекта. Это и отличало его от квартир, за состоянием которых жильцы следили самостоятельно и почти круглосуточно, чего не

скажешь о нашей парадной, но не буду лукавить, ведь я и сам не приложил ни малейшего усилия для преобразования пролётов, хоть и эта картина каждое утро удручала меня, как и пустой холодильник.

Мы стали быстро сбегать по сероватой лестнице, и я решил поинтересоваться крайней возбуждённостью девушки сегодняшним утром:

– Ирочка, ты чего сегодня как на иголках?

– У нас ведь сегодня важная контрольная, неужели ты забыл? – тараторила марсианка, пока сбегала с лестницы настолько быстро, что едва успевала держаться за поручни, чтобы ненароком не шандарахнуть о стену. – Мне нужно, чтобы вся-вся группа присутствовала, иначе я по шее получу, понимаешь?

– Контрольная... – произнёс слегка задумчиво я, чуть ускоряя свой спуск, чтобы нагнать подругу. – По какому?

Эти слова подействовали на болтунью таким неподвижным образом, что она остановилась в пролёте, как вкопанная, и, дождавшись меня, свела личико в такую недовольную и злую, но в тоже время и очень забавную мордашку, что я даже задумался, что мне делать: смеяться или пугаться.

– То есть ты даже не знал и, соответственно, не готовился?.. – тонкие бровки Иры стали медленно съезжаться, а её руки сжали кулачки и опустились до бёдер. Действительно, как я и предполагал, утро точно не будет добрым! – Это же маговедение, самый главный предмет курса!

Тут-то я понял, в какую передрягу попал! Несмотря на своё название, маговедение почти никак не было связано с обычной магией, вернее, в рамках этой дисциплины мы действительно изучали магию, но только общие понятия и другие смыслы. Эта дисциплина встречалась у всех групп и факультетов на первом курсе, что было и не сильно-то удивительно, ведь любые специальности в нашем университете хотя бы косвенно касались колдовства.

– Чёрт возьми, – я приложил руку ко лбу. – Ну что это за невезение?

– Когда ты уже будешь ответственно относиться к учёбе? – нахмурилась марсианка и легко хлопнула меня открытой ладонью в солнечное сплетение. – Ты знаешь, как опустился рейтинг нашей группы? Вы не ходите на пары, копите долги...

– Не хмурься – морщины вылезут, – сказал я, чтобы разрядить обстановку и аккуратно ткнул указательным пальцем Иру в маленький нос, от чего она встрепенулась и моментально приняла искреннее и невероятно удивлённое лицо. – Кстати, ты в тапках на пару пойдёшь?

Девушка на секунду зависла, затем посмотрела куда-то вниз, в район своих ног, потом снова подняла голову и заглянула мне в глаза, а после, наконец-то, разразилась:

– Да что с тобой, мы вообще-то опаздываем! – сказала она и снова побежала по ступенькам, только доставая из сумки университетскую форму прямо на ходу. – И у меня вооб-

ще-то всё с собой!

Мне только и оставалось, что бежать за ней следом и наблюдать, как она надевала поверх майки белую сорочку, а на белоснежную ткань – чёрную жилетку. Когда мы добежали до очередного пролёта, она повернулась:

– Угх, проходи вперёд и не вздумай оборачиваться, а то расцарапаю!

Я покорно продолжил спускаться дальше, и спустя всего лишь пару секунд Ира прыгнула прямо ко мне.

– Что хоть спрашивать-то будет препод? – лениво поинтересовался я, когда мы с ней поравнялись.

– Основные заклинания, это хоть знаешь? – терпеливо отвечала мне марсианка, пока доставала из сумки туфли на каблуках и меняла прямо на бегу шлёпанцы, которые тут же отправлялись в суму. – Бич Двухпалых, Нестерпимый Жар...

Мне было тошно от одной идеи, что мы должны учить заклинания, их написание, произведение, но никогда не пользоваться! И ладно Ира не была одарена природой возможностью колдовать от рождения, но мы, обычные люди? Как это нам пригодиться в жизни, если в будущем мы будем обычными исследователями паранормального?

Наконец, мы преодолели последние этажи суперхрущёвки и вышли к тому пролёту, до которого доходили лифты (до сих пор не понимаю, кто строил мой дом, может, тренер по фитнесу?).

Мы быстро спустились, после чего вышли из душного подъезда на волю. На улице было действительно прекрасно, как я и предполагал: солнце светило ярко, но не сильно пекло, поэтому мы дышали и смотрели свободно, покидая спальный район и направляясь к городку университета. Вокруг было настолько тихо, что окружающий нас мир содрогал лишь отчётливый и уверенный стук каблуков марсианки.

Дорога прошла быстро, хотя, конечно, она не могла затянуться, потому что я жил через дорогу от кампуса. Мы прошли через гигантские металлические ворота, арка над которыми была выложена тёмными кирпичами, на ней же аккуратными барельефами помещались эмблемы трёх факультетов: самый главный, магический факультет, был представлен ярко-красной ладонью, из которой били языки огня, на этом факультете учились самые талантливые маги и магини; на другой стороне арки скромно висели два оставшихся образа: факультета природы аномалий, который представлял собой фиолетовую Червоточину, и, наконец, нашего родного дома – факультета исследования паранормальных процессов с синей лупой...

Думаю, глупо объяснять, что наш ФИПП считался весьма слабым факультетом, уступая не только аномальному, но и, очевидно, магическому, который являлся старейшим факультетом университета.

Так или иначе, мы с Ираидой смешались с толпой студентов и поспешили на наше занятие, которое уже вот-вот долж-

но было начаться. Обогнув по майской улочке главный корпус учреждения, мы оказались у широкого крыльца университета, над которым огромными белыми буквами складывалось его название: «Уральский магическо-паранормальный университет».

Когда мы зашли в здание, внутри объявился самый часпик. Мы с боем прорвались через толпы студентов и поднялись на четвёртый этаж по главной широкой лестнице, на самый последний доступный нам этаж – пятый уровень университета полностью принадлежал магическому факультету, и обычным студентам вход в него был строго запрещён.

Мы быстро нашли вход в выданную нам аудиторию, рядом с которым уже расположились наши одноклассники: обычные люди составляли большую часть нашего коллектива, также с нами учились люди-раки и совсем немного марсиан, в том числе и Ираида. Мои сверстники выглядели как обычные представители своих видов, поэтому описывать каждого совершенно не имеет никакого смысла. Мы поздоровались со своими друзьями, которые находились в весьма напряжённом состоянии, листая конспекты и пытаясь вложить в головы последние знания.

В скором времени объявился наш преподаватель – Климент Килопчёлов, которого мы, мягко говоря, не сильно-то и любили за его сильную придирчивость и излишнюю серьёзность. Он всегда ходил в одной и той же синей рубашке в клеточку и джинсах, а на его седой голове красовалась его

излюбленная причёска, напоминающая набор последних седых волос. Клим Иванович как всегда опоздал на несколько минут и появился в поле зрения в тот момент, когда пафосно шагал по коридору, размахивая потрёпанным чёрным портфелем, который он всегда носил с собой и хранил, как зеницу ока. Увы, нам оставалось только догадываться, что скрывала в себе эта кладь.

Килопчёлов открыл аудиторию и впустил толпу из студентов. Мы протиснулись внутрь, аудитория была очень длинной и имела целых два выхода: один располагался в самом начале кабинета, возле широкой зелёной доски, а другой – в середине помещения. Как только мы переступили порог, нас сразу же обдало каким-то спёртым воздухом, будто здесь не проветривали помещение неделями. Ряды парт стояли практически на одной высоте, лишь самые задние поднимались над другими. Высокие окна могли полностью закрываться от внешнего мира тяжёлыми металлическими ставнями.

Студенты стали рассасываться по кабинету, пытаясь сесть как можно дальше от преподавателя, чтобы иметь возможность списать, мы же с Ирой сели на первой парте, так как она настаивала на этом особенно сильно.

– Встали, – прохрипел своим старческим голосом Клим Иванович, призывая своих подопечных поздороваться с ним.

Все лениво поднялись и, постояв пару секунд, присели обратно, устремив на преподавателя всё свое внимание, кото-

рый уже засел за стол и стал переключать какие-то бумаги.

Килопчёлов был человеком, хотя многие в шутку говорили, что он представлял собой человека-шакала, который весьма успешно маскировался под представителя обычного сапиенса. А всё из-за того, что большую часть преподавательского состава составляли именно шакалоподобные, так как считалось, что именно они имеют самые подходящие качества для работы учителями: твёрдость, строгость и рассудительность.

– Ну что, лентяи и тунеядцы, – вдруг протянул препод, откидываясь на спинку стула. – Сегодня, как я и предупреждал, вы будете показывать мне ваши знания по маговедению. Надеюсь, взяли с собой миллиметровки и, конечно, хоть какое-то понимание моего предмета.

Ира достала из сумки синие листы и свой огромный пенал, который вовсе не являлся пеналом, так как представлял собой чёрную сумку из-под целого набора фломастеров, часть из которых она постоянно носила собой, чтобы порисовать на скучных лекциях или выделить заголовки конспектов.

– Ты не поделишься листочком? – сказал я так грустно от осознания, что с утра отдал все свои непоседе.

– Конечно, я же у тебя всю пачку и забрала, – ответила марсианка и выделила мне один пустой лист. Неслыханная щедрость!

Мы замерли в ожидании.

– Так, – продолжал Килопчёлов, осматривая присутствующих и занося отметку о посещении занятия каждого студента в журнал, поскольку обладал такой феноменальной памятью, что знал всех подопечных в лицо. – Сначала вам нужно зарисовать по строгим ограничениям ауру применения заклинания, которая будет у вас в варианте, затем вспоминаете о чарах всё, после чего подходите ко мне и рассказываете, вариант будет у каждого свой...

Клим Иванович раздал листочки с вариантами и с довольным видом стал ходить по кабинету, заложив руки за спину.

Ираида стала практически моментально чертить по линейке какой-то ровный завиток из фиолетовых линий, постоянно меняя его цвет. Моё же задание с первых строк сбило меня с ног:

«Основное заклинание номер два: Нестерпимый Жар, длительное применение, эмоция: гнев».

Я нетвёрдой рукой обхватил карандаш и стал вырисовывать им какие-то вигвамы, не попадая по клеткам и надеясь, что угадаю с формой выходящего из ладони потока. На самом деле мне попался один из самых лёгких вариантов, ведь не было ничего проще, чем нарисовать пламя, которое я видел не один раз, но ведь не просто так мне давались переменные в виде времени использования и эмоции пользователя.

– Ира, – ткнул я марсианку в локоть. – Как это нарисовать? Марсианка бегло осмотрела мой вариант и, удостоверившись, что Клим Иванович отошёл от нас на достаточное рас-

стояние, сказала:

– Очень длинный должен быть поток, – ответила она, на-
кладывая последние мазки на свою работу. – И ещё...

– Краско, – вдруг гроыхнул словами препод, заставив
Иру вздрогнуть от неожиданности. – Что это вы болтаете на-
право и налево? Уже готовы отвечать?

Марсианка перевела взгляд от меня на Килопчёлова и
кивнула. Клим Иванович сел за свой стол и посадил рядом
Ираиду. Так я остался без моей последней надежды. Пока
девушка отвечала, я чуть удлинил рисунок и закрасил его
красным, чуть добавив жёлтый цвет с двух сторон. Чего же
не хватает? Конечно, надо же хоть как-то назвать это дело! Я
взял ручку с целью подписать рисунок, но внезапно осознал,
что не имею ни малейшего представления о том, как назы-
вается это заклинание на специальном языке. Навострив ум,
я собрал всю волю в кулак и лишь пришёл к выводу, что мо-
гу назвать его окончание на магическом языке – *salor*. Мно-
гие непосвящённые люди путали его написание с латынью,
однако язык колдунов лишь имел корни, соприкасающиеся
с её слогом.

– Приключенский, – в очередной раз грянул голос Килоп-
чёлова, который заставил меня даже подпрыгнуть на стуле.
Иры уже не было. Очевидно, расспрашивать зубрилку не бы-
ло большой нужды. – Что это вы ничего не делаете? Навер-
ное, всё выполнили? Ну-ка, пожалуйста ко мне.

Мне ничего не оставалось делать, кроме того, как лениво

подняться со стула и поплестись к преподавательскому столу. Упав рядом с преподавом, я подал ему свой листок и почувствовал какое-то непередаваемое чувство ужасного стыда. Килопчёлов опустил очки на нос и быстро пробежался по моему наброску глазами, после чего начал безжалостно черкаться на нём своей любимой ручкой с красной пастой. После всего он положил лист на стол и прижал его ладонью, а затем повернулся ко мне:

– Да, – протянул он. – Учебник мой хоть нюхал? Пишешь, что Нестерпимый Жар заканчивается на calor, а как же начало? Как заклинание это начинается?

Мой мозг заработал на полной мощности, но, увы, без нужных знаний изобрести велосипед не представляется возможным.

– Desiderium, – боязливо и ужасно неуверенно брякнул я, опуская взгляд в пол.

Килопчёлов легонько стукнул левым кулаком по столу и приложил правую ладонь к своему морщинистому лбу.

– Дезидерум, мой дорогой, говорит про другое явление, а Жар?

Я стыдливо промолчал, поправляя галстук, будто прося его подсказать мне хотя бы одну букву.

– Ну, хорошо, – Клим Иванович неожиданно изменился в лице и стал даже на секунду добреньким. – Давай что-нибудь полегче спрошу. Отдыхать любишь?

– Конечно, люблю.

– Тогда смотри, мага представляешь? Допустим, он не будет делать ничего, а просто лежать-отдыхать. Как его не спутать с обычным человеком в подобной ситуации и распознать в нём бурление магических сил?

– По использованию магии...

– Элементарно, Ватсон. А медведя от волка ты так и будешь отличать? Кто мёд ест, тот и медведь, да? Как мага распознать?

И снова я почесал голову, расписавшись в своей беспомощности.

– Глаза видишь? – Килопчёлов придвинулся на стуле ко мне ближе и так заглянул в душу, что мне стало даже немного не по себе. – Вот отражение души! Я-то обычный человек, а у магов там чёртики бегают от осознания своих возможностей и огромного количества магии, особенно у чародеек малолетних. Так и с эмоциями, которые тебе в варианте даны! По сюжету в работе маг злится, – преподаватель стал искажать границы нарисованного мной пламени своей ручкой, превращая их в подобие новогодней ёлки, делая их острыми-острыми. – Значит и чара у него злая выйдет. Понимаешь?

Я лишь грустно кивнул и шмыгнул носом. Килопчёлов несколько секунд смотрел на меня очень подозрительным взглядом.

– Вот видишь, как бывает в жизни: раз, раз, и головой в таз, – ухмыльнулся преподаватель, после чего перечеркнул

мою работу. — Свободен. Иди и нюхай учебник, а пока за тобой должок...

Мне оставалось лишь подхватить сумку и с позором бежать из аудитории...

* * *

...Поскольку маговедение было третьей парой в расписании, мы пошли обедать. Вернее, даже не обедать, а перекусывать. Столовая университета располагалась на втором этаже, а вход в неё находился прямо в геометрическом центре здания и представлял собой широкое крыльцо с серыми поручнями по бокам. Питаться в ней было удобно не только горожанам, но и жителям общежития, поскольку за сравнительно небольшую цену можно было не ломать голову по поводу обеда или ужина, а поугощаться прямо там. Столовая являлась весьма популярным местом университета. С правой стороны от входа в неё, к слову, стройным рядом стояли громоздкие вендинговые аппараты, с помощью которых изголодавшиеся студенты могли приобрести (точнее сказать, переплатить, но не будем о плохом) мимолётные удовольствия в виде шоколадных батончиков и банок с газировкой. Эти машины могли бы с лёгкостью избавить нашу столовую от ужасных очередей, которые как раз активно размножались во время обеденного перерыва, однако ни одна из них не могла принимать безналичный расчёт. Для меня и многих

других это было серьёзной проблемой.

Мы встретились с Ираидой за дверьми аудитории Килопчёлова, конечно, она ответила на отлично, а я ничего не сумел сделать. Марсианка, кажется, поняла всё лишь по моему грустному лицу, и вообще не стала что-либо говорить, кроме обрывков каких-то бытовых фраз. Я шёл по коридору с таким перекошенной хлеборезкой и переставлял ноги так медленно, будто бы шёл на очередной день каторги. Ира же, несмотря на то, что практически не умела скрывать эмоций, весьма бодро шагала рядом, даже иногда забегая вперёд, из-за чего ей приходилось ждать меня. Её лицо оставалось всё таким же ребяческим и даже немного весёлым.

– Ну, ты чего такой грустный? – говорила она, пока упирала кулаки в бока и мерила меня беззаботным взглядом.

– А чего веселиться? – отвечал я, поправляя лямку сумки.

Мы отстояли очередь и набили подносы.

Отойдя от кассы, я подошёл к свободному прямоугольному столу и, отодвинув один из четырёх стульев ногой, плюхнулся на место, затем стянул с плеча сумку и упёр её о ножку стола. Мне открылся вид на длинную очередь людей и их подобиий, столпившуюся у буфета, эта череда лиц и одежаний будто представляла собой восточный базар, ведь кого там только ни было: длинные и высокие, тонкие и худые. Но на фоне толпы этих студентов сильно выделялись, естественно, магини, которые всегда были какими-то низкими девчонками и обладали неестественным влечением к гротескным

причёскам, пирсингу и страшным чёрным юбкам до пола. Кому-то ведь они нравятся, однако я никогда не мог представить, как кто-то в здравом уме мечтает даже дружить с ними, ведь чародеи сами по себе были людьми с очень раздутым самомнением...

– Эй, бездельник, – вдруг прервал мои размышления чей-то нахальный голос, после которого мне на плечо упало что-то тяжёлое и неприятное. – Хватит на девчонок засматриваться, их знаешь, сколько в мире? На каждую будешь заглядываться – глаза из орбит вылезут!

Я опешил и лишь виновато поднял глаза к нарушившему мой покой грубияну, как вдруг всё встало на свои места: передо мной стоял невысокий и какой-то чересчур весёлый человек с не менее шутливым лицом, в которое очень хотелось запустить кремовым тортом. Вот только был он обычным человеком лишь на первый взгляд – вместо левой кисти, которая должна была сжимать поднос, у него красовалась солидного размера зелёная клешня.

– Тут не занято? – он указал человеческой рукой на противоположный ко мне стул, я качнул головой, и Саша рухнул на него, загоразживая мне вид на магинь.

Это мой закадычный друг с весьма говорящей фамилией – Александр Остряков. Как можно догадаться, он принадлежал к виду людей-раков, и не только клешня выдавала его: помимо членистоногого отростка он имел толстенные ромбовидные пластины на спине и крайне экстравагантные усы

в виде нескольких толстенных жгутиков, которые, увы, люди этого вида не имели возможности сбрить. Если бы я акцентировал внимание на его человеческом облике, то сказал бы, что человек-рак был весьма низким и плотнотелым, а его округлое лицо с пухлыми щеками никак не подходило его нраву, бонусом к этому шла уморительная причёска в виде желтовато-пепельных волос, раздвинутая двумя частями в разные стороны, и квадратные очки.

Кстати, о нраве. Мы учились с раком в одной группе и, соответственно, познакомились в начале года. С первого же дня в университете он прослыл тем ещё плутом и юбкозапрокидывателем из-за своих умопомрачительных историй о похождениях в любовных планах: он обожал ведать мне о том, как ту или иную ночь проводил то в кружках, то в клубах со своими друзьями из общежития, заглядывался на разноцветных девушек-цихлидок, а я всё слушал и заинтересованно кивал головой. До сих пор не понимаю, каким образом мы вообще с ним сошлись, ибо были до ужаса разными, хотя, может быть, в этом и есть дело? С этим шутником из общаги мы обожали рассказывать друг другу заезженные до посинения анекдоты, изменяя главных героев в них на неудобных нам преподавов, рассуждать о девушках и, естественно, тянуть студенческие лямки.

– Ну, как написал? – спросил он меня, мешая чай в кружке ложкой, которой он повелевал клешней.

– Никак не написал, – махнул рукой я. – Хотя нет, хоть

что-то написал, но Килопчёлов понял, что ничего не знаю, потом стал вопросами валить.

– Вот, это правильно, это по-нашему! Тебе какой спелл попался?

– Нестерпимый Жар. Вообще легкотня, да? Только оказалось, что нарисовать я его должен длинным и каким-то размашистым, потому что маг во время его применения испытывал злость.

– Слушай, браток, это ещё куда ни шло. Мне знаешь что выпало? Бич Двухпалых! Так и это всё под соусом из грусти и короткого применения. – Остряков снял человеческой рукой со своего носа оправу и, сложив заушники, повесил их на кармашек рубашки. – Я кое-что накалякал, а потом твоя история повторилась.

Я повернулся влево от стола и пару раз кашлянул в кулак.

– Сегодня пятница, так что, может быть, сегодня к тебе пойдём? – сказал Александр, смотря на меня каким-то немного сочувствующим и в то же время заинтересованным взглядом. – Ты вот выпьешь газировки – и перестанешь кашлять!

Мы часто с Сашей засиживались после занятий в моей квартире, поскольку лишь там можно было спокойно провести время, чего не скажешь про общежитие.

– Сегодня что-то настроения нет, особенно после этого унижения, – отмахнулся я, откусывая хот-дог. – Лучше завтра, возьмём ещё Влада. Да и сегодня у меня есть дела с

Ирой.

– Ага, догово... Дела с Ирой?! – он так удивился, что раскрыл глаза на полную катушку. – Я скорее поверю, что ты занялся вязанием варежек, как моя бабушка, чем нашёл какое-то полезное дело.

Вдруг за стул рядом со мной села марсианка, поставив поднос с едой перед собой.

– Вообще-то Илья согласился сходить со мной на тренировку по каратэ в спорткомплекс, – осторожно проговорила она, попеременно глядя то на Александра, то на меня. – Думаю, он сможет много чего добиться!

От этих слов Саня чуть не поперхнулся чаем.

– Вам, судя по всему, нравится находить приключения. Ну, не буду мешать. Как говорится, флаг вам в руки! – выпалил рак, ненамеренно щёлкнув после своей речи клешнёй.

– Ты, кстати, Саша, сдал? – спросила его Ираида, помещивая кофе.

– Не, тоже завалил, как и твой бойфренд, – глупо ухмыльнулся членистоногий, от этого Краско моментально покраснела, пытаясь ничего не говорить, но поскольку марсианские корни в ней никуда не девались, она вот-вот бы что-то ляпнула, поэтому для разрядки обстановки я сказал:

– Саш, разве ты на выходные не собираешься домой, в Челябинск?

– Нет, я на прошлых ездил, и я от этой поездки, мягко говоря, не в восторге. Представляете, сзади меня сидел ка-

кой-то сильно наглый жираф, да настолько длинный, что давил на моё кресло с такой силищей, будто пытался сложить меня в бутерброд. Очень хотелось встать и задушить его вот этой клешнёй! – он скривил морду в ухмыляющуюся рожу и так страшно щёлкнул отростком перед нашими носами, что мы аж сглотнули от страха.

Мы на какое-то время замолчали, поглощая свои обеды, как вдруг над нами чересчур внезапно объявилась очень растянутая фигура.

– Привет, – этот великан вместо громогласного баса обратился к нам каким-то несвойственным ему тонким голосом. – У вас не занято?

– Вспомнишь Владлена – представишь полено, – сказал Остряков и так противно захохотал, что даже мне захотелось ему врезать. – Падай.

Человек-жираф медленно опустился на стул, предварительно вытянув ноги, чтобы не приподнять стол коленями, после чего спокойно поставил поднос перед собой и, размахнувшись, отвесил раку такую оплеуху, что последний схватился руками за голову и наигранно застонал.

Этого великана все звали Владом, однако его настоящее имя действительно звучало как Владлен, так как по легенде родители называли его в честь Владимира Ленина, однако он также как и Ира терпеть не мог своего полного имени, хотя, как по мне, оно было на ступень выше Ираиды. А вот фамилией он гордился – Четырёхпалин. Поскольку он при-

надлежал к классу людей-жирафов, то и мог похвастаться исполинским ростом, который точно доходил до отметки в два с половиной метра. Наличие этих карт на руках одаряло его завидной привилегией: как и все люди-жирафы, он имел право ходить в секцию баскетбола, но он не только посещал эти занятия, но и даже играл за сборную команду университета.

Влад не являлся нашим одноклассником, он даже учился на другом факультете – природы аномалий. Грубо говоря, он учился на аномалиеолога, язык можно сломать, прежде чем выговорить, конечно. Тем не менее, мы общались и даже в некоторой степени дружили.

– Что это вы такие грустные сидите? – Владлен, как ни в чём не бывало, отхлебнул супа и прошёлся по нам своими огромными глазами. Выглядел он, разумеется, как обычный человек, только его физиономия, как и всё остальное тело, было чересчур вытянуто и будто бы не соблюдало никаких пропорций, от чего вид человека-жирафа спокойно навевал древний ужас на неподготовленного человека. Исправляли эту картину лишь его короткие коричневые волосы и розовая кожа, которая выделялась контрастом на фоне великана.

– Килопчёлов сегодня устроил нам контрольную работу по маговедению, и Саша с Ильёй её завалили, – ответила за нас Ира.

– Круто, я тоже, – сказал Четырёхпалин своим пугающим монотонным голосом, который звучал так, словно его вла-

стелину было плевать на все мирские заботы. – Только мы писали её вчера. Примете в свой клуб неудачников?

– Какой ещё клуб? Ты его основал, дылда! – посмеялся рак и автоматически закрылся. – Не надо, не стучай!

Если говорить максимально честно, мне было всё равно на происходящее вокруг меня. Я лишь думал о предстоящей тренировке по каратэ, на которую с дурасти согласился пойти с Ирой сегодняшним вечером. Зачем я вообще повёлся на её уговоры? Мало того, что пришлось купить кимоно на последнюю стипендию, так ещё и теперь мне потребуется изображать из себя спортсмена, которым никогда не являлся. С другой стороны, только это, может быть, поможет мне этим вечером оторваться от всех забот. За моими раздумьями я не заметил фразу Острякова:

– Ладно, приятного вам аппетита, любители спорта. Встретимся завтра, Илья, Влад, – сказал он и вышел из-за стола.

– Я тоже пойду, – человек-жираф отправился относить грязную посуду обратно на кухню.

Мы с Ирой остались наедине.

– Ты ещё не передумал?

– Нет, хотя бы развеяться мне не помешает...

* * *

Ближе к вечеру я вышел из своей суперхрущёвки и до-

брался до общежития №1, в котором и жила Ира. Здание имело форму параллелепипеда и даже удивляло своими громадными размерами в пять этажей. Таких общежитий на территории университета было всего три штуки, и многие непосвящённые люди ошибочно предполагали, что в каждом располагался один факультет, однако это было далеко не так, и студенты жили вразнобой. Не знаю, чем это было вызвано, но многие склонялись к мнению, что всех людей-животных, магов и других представителей вида селили вместе специально, чтобы хотя бы в этом деле не упрочнять ту линию, что и без того отделяла колдунов от остальных.

Ждал у крыльца я недолго, и спустя пару минут дверь распахнулась, и из открывшегося проёма пулей вылетела фигурка Иры с большущей синей сумкой наперевес. На этот раз она выглядела весьма спортивно и гораздо увереннее, нежели во время нашей утренней встречи: её верхнюю часть туловища укатывала тонкая-тонкая ветровка синего цвета, незастёгнутые между собой молнией краешки болтались в такт шагов девчонки, также на ней были беговые штаны чёрного цвета и аккуратные кроссовочки.

Стоило лишь ей увидеть стоящего меня, как она ещё сильнее ускорила и одним быстрым рывком перепрыгнула крыльцо общежития, оказавшись за мгновение возле меня. Ира выглядела как всегда по-детски счастливо.

– Молодец, даже не опоздал, – радостно сказала она и тут же, не дожидаясь моего ответа, стала подталкивать меня в

сторону дороги до спортивного комплекса. – Пойдём быстрее!

– Да мы же никуда не опаздываем!

– Надо ещё переодеться. Ты доги взял?

– Естественно, взял.

– Ну, тогда побежали!

Мы двинулись в путь по асфальтированной дороге, зажатой между высокими и могучими деревьями с одной стороны и общежитиями других факультетов – с другой. Здесь было так свежо и тихо, что мы невольно молчали несколько секунд, наслаждаясь пением птиц, но, конечно, не больше, ведь Ире уже не терпелось поговорить:

– Чего ты задумчивый?

– Волнуюсь немного, – честно признался я. – Ничего ведь не знаю, как ты, вдруг опозорюсь.

И у меня действительно были веские причины для беспокойства, ведь Ира ещё во время нашего первого знакомства, когда мы только начинали учёбу в университете, с радостью разболтала, что имеет почётное право носить синий пояс, который соответствовал восьмому кю. Следует добавить, что она занималась каратэ ещё до поступления в университет, а потому имела весьма солидный опыт. Грубо говоря, она была, конечно, далека от идеала, но опережала меня на целых две ступени, поскольку белый пояс, которым я мог похвастаться, означал всего лишь десятый кю. Эта мысль и настораживала меня, ведь в отличие от неё я не обладал даже

маломальскими знаниями о дисциплине, которой решил научиться. Хотя, в конце концов, разве можно винить меня за то, что я решил учиться тому, чего не умею? Не успел я задуматься, как Ираида пошла почти по тому же пути мыслей:

– Ой, даже не переживай по этому поводу, – спокойно посмотрела на меня девушка и одарила своей фирменной невинной улыбкой. – Наш тренер очень добрый, ты быстро всему научишься. Я знаешь, как переживала, когда впервые в нашу секцию пришла заниматься?

Однако я поймал себя на мысли, что легче почему-то не становится. От осознания я пнул широченный камень на моём пути, отправив его в полёт до ближайшей большой земли, после чего решил снова заговорить:

– Слушай, Ирка, – вдруг я сказал. – А как вообще тренировки проходят?

– Ну, сначала мы разминаемся, бегаем, прыгаем, – она закатила глаза куда-то вверх и стала грациозно двигать кистями рук перед собой в такт своих мыслей. – Потом... Слушай, это вообще от дня недели зависит! По понедельникам, например, мы полностью тренируем ката, по средам у нас спарринги, а по пятницам – игровые тренировки, если Подшёрстин в хорошем настроении, то мы играем в вышибалы и так далее.

– Круто, а можно ходить только по пятницам?

– Даже не думай, – она замерла на месте и пригрозила тонким кулачком. – Не будешь на тренировки ходить – вообще

убью!

Мы продолжили путь, и я сказал:

– Кстати, что такое ката?

– Знаешь, это как симуляция боя, которую ты повторяешь из раза в раз. Медленно двигаешься по одной траектории, производишь удары по выдуманным противникам. Повторяя ката, ты выучиваешь тело совершать движения на бессознательном уровне. И когда ты попадаешь в боевую ситуацию, тело работает само по себе на основе рефлексов!

– Звучит очень сложно и в то же время невероятно скучно, – душно сказал я.

– Это тебе только сейчас так кажется!

Наконец, перед нами раскинулось огромное здание спортивного комплекса университета. В высоту оно было всего лишь в несколько этажей, а вот в ширину даже превышало размер футбольного поля, которое, к слову, тоже имелось в наличии и находилось на открытом воздухе, за самим зданием, вдали от любопытных глаз прохожих. Ближе всего к нам было невысокое и протяжённое крыльцо, что вело к невзрачным дверям, а чуть выше, прямо над ними, верхнюю часть здания украшали большие и разноцветные мозаики, изображающие какие-то древнегреческие олимпийские игры.

Я аккуратно шагнул к дверям, в то время Ира запрыгнула на крыльцо, перешагивая за один раз по несколько увысочений.

Затем мы прошли по коридору несколько поворотов, под-

нялись на второй этаж. Помещения спортивного комплекса на удивление пустовали, и нам почти не встречались спортсмены, кроме таких же бедолаг, как я. Я даже не заметил, как мы внезапно очутились в левом крыле комплекса. Здесь располагались помещения для настольного тенниса, в которых тренировались во время пар физической культуры люди, не подходящие к другим секциям по здоровью, тренажёрные залы, набитые до одури спортивным инвентарём и тренерские комнаты.

В скором времени коридор изогнулся в прямом углу и вывел нас на небольшой балкон, что проходил над большим залом с высоченными потолками для игры в баскетбол. И площадка ещё не показалась нам на глаза, как до нас стали доноситься громогласные крики игроков, гулкие удары мячом о пол и пронзительные свистки недовольного тренера. Лишь стоило нам выйти на балкон, как я моментально устремил взгляд вниз, на поле брани, и не на шутку удивился: там, в разноцветных майках, бегали и прыгали люди-жирафы, перелетая в длиннейших прыжках метры, словно богомолы на вытянутых ногах. Даже с такой высоты они казались такими высокими, и неспроста, ведь многие из них даже не прыгали до корзины, а лишь ловко клали в неё мяч. Их игра была похожа на какой-то древний и инопланетный танец.

– Ты никогда здесь не был? – спросила меня Ира так неожиданно, что я даже не смог с первого раза оторвать взгляда от игры этих гигантов.

– Нет, никогда не думал, что тут столько секций есть.

– Вон твой Владлен, – показала рукой куда-то вниз Ираида. – Изо всех сил готовиться к соревнованиям.

– Даже не могу поверить, что тут разрешено заниматься только жирафам.

– Так было всегда, да и будет, – грустно подытожила марсианка. – Какой смысл брать нас с собой туда, если мы ничего не сможем сделать против них?

– Хорошая идея для какого-нибудь мотивационного фильма...

Через пару минут мы добрались до раздевалок каратистов, где уже почти никого не было, и приоделись в белёсые кимоно. Честно, я выглядел в нём ужасно и напоминал какого-то очень высокого ребёнка, которого родители решили нарядить по «последнему писку моды». Я еле как завязал пояс, сформировав им невероятно неопрятный узел, после чего с каким-то раздирающим душу чувством стыда вышел из раздевалки в коридор, где уже собралась небольшая толпа из студентов-каратистов.

Ираида уже ждала меня за дверьми. Не буду скрывать, выглядела она прекрасно: японское одеяние будто было сшито специально под неё и так идеально покрывало все женские члены, что я невольно остановился, стоило лишь мне выйти из комнаты. Особенно мне запомнился её синий пояс, чистый, как капля росы, который по какой-то неведомой мне причине идеально сочетался с её большими косичками во-

лос...

Пока тренировка не началась, мы расположились у стены, облицованной белой плиткой, и стали разговаривать об этом виде спорта.

– Мне всегда было интересно, – говорил я. – Почему у вас кричат «кия» во время ударов? Это просто показуха?

– На самом деле нет, – Ира поправила чёлку. – Это как флаг во время битвы!

– Хочешь сказать, что каждый так показывает, к какому спорту он отдаёт своё время?

– Для каждого он индивидуален, знаешь, как почерк, – ответила мне марсианка, отрывая одну ногу от пола и представляя, скорее всего, какую-то предстоящую большую битву. – Мастера могут кричать «ха», «ща», может быть, даже какой-нибудь громкий шипящий «ищ». И всё это Ки-ай! А когда я занималась в секции в своём городе, то мы кричали «чу».

– А почему именно «чу»? – усмехнулся я.

– А, это долгая история. Просто у нас на тренировки ходил человек-цихлид один, не от мира сего он немного был, вечно зажатый, волосы до плеч носил и всё такое, – Ираида произвела удар правой рукой по воздуху. – И самое главное, что звали его Эдик Чу. И как-то раз он выкрикнул «чу» во время удара, а нам так понравилась его идея, что мы сами стали так кричать. Тренер над нами посмеялся, но разрешил.

Девушка так весело и искренне рассказывала истории, ма-

хала руками и принимала стойки, что сразу было видно, какое предвкушение её окутывает перед тренировкой! И что-то подсказывало мне, что в этом была замешана не только её любовь к спорту, но и моё присутствие здесь.

– Привет, Ира.

Мы повернули головы в сторону голоса, и заметили, как к нам приближается фигура высокого и худощавого парня лет двадцати с чем-то, кимоно которого опоясывал пояс жёлтого цвета, что равнялось шестому кю. У него были короткие светлые волосы, тонкое, как у скелета, лицо и неестественно загорелая кожа.

– Ос! – сказал незнакомец с марсианкой практически одновременно, после чего они развели руки и поклонились друг другу.

– Эдмунд, привет! – расплылась в улыбке Ираида, после чего показала рукой в мою сторону. – Смотри, кого я привела к нам!

– Значит, ты Илья? – по всей видимости, Эдмунд обошёлся со мной проще и ударил своим сжатым кулаком по моей конечности. – Моё имя ты уже знаешь.

– Приятно познакомиться, – осторожно проговорил я, почти шёпотом. – Ирка наверняка всё обо мне рассказала.

– Конечно, судя по всему, ты так хотел попасть к нам в секцию! – каратист усмехнулся, обнажив ряды идеальных, белоснежных зубов. – Рад, что ты согласился с её предложением, а то, если и дальше в таком темпе будут уходить люди,

скоро мы тут останемся вдвоём с Ирой.

– Ты, наверное, не знаешь, но Эдмунд – гордость магического факультета! – радостно сообщила мне марсианка, будто бы ожидая от меня такого же восхищения.

– Значит, ты маг?

– Совершенно верно, – сказал он и щёлкнул пальцами, после чего на его указательном пальце на пару секунд заплесал красненький огонёк.

– Эд, перестань, этим уже никого не удивишь! – насупилась Ираида.

– Ладно, ладно, больше не буду красоваться. Просто когда живёшь с Остряковым, как-то привыкаешь удивлять его всякой профанацией.

Эдмунда Лихачёва, именно так звали этого каратиста и к тому же пятикурсника, я знал до сегодняшнего дня лишь косвенно, поскольку Александр Остряков часто рассказывал о своём соседе по общежитию. Хотя мы и почти не пересекались с ним, он был закадычным другом марсианки. Без понятия, как у неё получалось так умело дружить с огромным количеством различных людей!

В эту же минуту объявился наш тренер, и мы двинулись вперёд, к физическому совершенствованию.

Зал был настолько огромным, что примерно в середине он разделялся на две части полупрозрачной занавеской, чтобы в нём могли заниматься две группы спортсменов одновременно. Как только мы переступили порог, то моё внимание

сразу приковал к себе пол: он был полностью устлан мягкими и разноцветными матами, которые собирали между собой причудливые узоры с жёлтыми орнаментами ближе к центру, словно конструктор. Стена по левую руку была почти до самого потолка опоясана батареями, а перед ними ровными рядами располагались весьма обшарпанные шведские стенки. Противоположная стена же, по мою правую руку, большую свою часть отдавала под толстые панорамные окна чуть ли не до своего конца, через которые спортсмены-мученики могли любоваться раскидистыми видами парка университета во время тренировок и мечтать о свободе, а проходящие мимо зеваки – рассматривать каратистов и завидовать их неумолимой силе духа.

Нашего тренера звали Альберт Вячеславович Подшёрстин и, надо сказать, фамилия просто прекрасно ему подходила: он был чрезвычайно огромным человеком-шакалом с такой ужасающей мускулатурой, что, может быть, он с лёгкостью внушал неподдельный страх всем своим оппонентам. Как и все представители этого вида, он имел слишком явный дополнительный волосяной покров на всём теле, который белёсым мехом доходил до шеи и ушей, подчёркивая его звериный нрав и боевую натуру.

Когда все каратисты зашли в зал, то тренировка официально началась, а её начало всегда оставалось неизменным, поэтому мы выстроились перед Альбертом Вячеславовичем в полукруг.

– Сэйдза, – сказал что-то нечленораздельное для меня тренер, после чего все спортсмены сначала опустились на колени, а после сели на лодыжки, уперев кулаки в бёдра. – Мокусо.

Мне ничего не оставалось, как последовать примеру остальных и принять положение сидя. Все присутствующие, в том числе и тренер, закрыли глаза, и, как я мог предположить, началась медитация перед тренировкой. Я тоже сомкнул веки и погрузился в свои мысли. Я понятия не имел, как правильно медитировать, что нужно было стремиться сделать, как вдруг меня отвлекли:

– Ты неправильно сидишь! – шепнула мне Ираида и подвинулась на коленях ко мне почти вплотную.

– Да как тут неправильно можно сидеть? – еле слышно удивился я.

– У тебя один большой палец на ноге должен лежать на другом, – посоветовала марсианка, но, как я мог догадаться, она не могла ограничиться одним только советом. – Давай помогу.

– Н-не надо! – конечно, я оказался прав.

В скором времени медитация закончилась и тренер, поднимаясь с мата, приказал нам сделать то же самое:

– Татэ кудасай!

Затем мы приступили к обычной тренировке. Во время неё не происходило практически ничего интересного от слова совсем: для начала мы затеяли бег вокруг нашей части

зала, параллельно с этим разминая отдельные части тела и практикуя самые простые удары, затем мы приступили к уже привычной разминке, приняв круговое построение и начав активно тянуть наши руки и ноги, покрывая терпимой болью конечности. Я отметил, что моё тело давало мне точно понять свою окаменелость в плане растяжки, ибо я, как и все новички, даже не мог толком нагнуться и достать открытой ладонью пола из стоячего положения. Та же ситуация меня ждала и на том этапе, когда мы просто сидели на татами и, широко расставив ноги, тянулись к ним, неимоверно выгибая поясницы и слушая, как будто бы щёлкают наши позвоночники: как бы я ни тянулся, но мой пояс лишь отодвигал мои руки дальше, сигнализируя о том, что он ещё недостаточно разработан для таких выкрутасов. Тщетно пытаясь дотянуться до хотя бы пальцев на ногах, что напоминало мне ситуацию из моего недалёкого сна, я, покрываясь потом и кряхтя, словно старый и дряхлый дед, ненароком взглянул на марсианку, которая тянулась так легко и грациозно, словно делала это с рождения, ведь она даже не напрягалась и, вытянувшись тончайшей струной, обхватывала ладонями даже не пальцы, а тонкую пятку.

Наконец, с позором было покончено, и мы принялись отрабатывать удары. Мы поделились на пары, после чего один каратист принялся держать большую ударную подушку, а другой – наносить по ней удары руками и ногами. Я заглядывался на других завсегдатаев киокушинкай и лишь удивлял-

ся, как они мало того, что бьют быстро и хлестко, так ещё и успевают разбираться в терминологии каратэ и наносить тот удар, который от них требовал возрастной шакал.

Альберт Вячеславович не оставил без внимания мои потуги и, мельком оглянув мою технику, сказал:

– Да, Илья, тебе надо тренироваться.

Дальше – больше, и мы оказались в одной паре с марсианкой, только на этот раз уже держал подушку я, вернее, это была даже не подушка, а огромным мат, который я удерживал перед собой двумя руками, показывая лишь из-за него только свою голову.

Пока я исполнял роль мальчика для битья, Ираида выполняла такие виртуозные удары ногами, что мне приходилось упираться своими нижними конечностями позади себя, чтобы удерживать исходную позицию. Она без всякой тяжести разворачивалась вокруг своей оси и, поворачивая грудь, тяжело била по мату. Тренер в это время проходил мимо каждой пары и внимательно следил, чтобы кто-нибудь не ударил легче. Вот только когда он добрался до нас, то неожиданно произошло следующее:

– Что ты его жалеешь? Вот так надо! – шакал подошёл ко мне, занял место марсианки и, развернувшись на месте, ударил пяткой по мату с такой страшной силой, что я от страха зажмурил глаза.

Мат вместе со мной отлетел, как тряпичная кукла, и приземлился в паре метров от тренера и Иры на пол...

...Наконец, тренировка стала близиться к концу. Если честно, полтора часа пролетели для меня незаметно, скорее всего, такое ощущение сложилось для меня из-за того, что я занимался впервые. Я был действительно вымотан, а Ира даже не растеряла своего энтузиазма.

Напоследок мы снова помедитировали и покинули зал, не забыв перед этим ему поклониться.

* * *

Через пару минут мы с Ирой уже переодетые стояли у крыльца спорткомплекса и дышали свежим воздухом.

– Ну, как тебе? Здорово, правда? – марсианка чуть не прыгала от возбуждения вокруг меня, сжимая кулачки перед грудью и умоляя меня ответить. – Скажи, что понравилось!

Разве возможно ей отказать?

– Да, Ирочка, это было классно, – ответил я и устремил взгляд куда-то вверх, на тёмное-тёмное небо, на котором ежесекундно зажигались белёсые звёзды, будто бы только для нас двоих.

Ира замолчала и тоже задрала взгляд, пытаясь поймать ту же волну, что и я, но, судя по всему, у неё не вышло, и она снова уставилась на меня...

– А ты чего домой не идёшь? – наконец, нарушила тишину марсианка и развела бровки в сторону.

– Да что-то пока не хочется, – тихо проговорил я, загля-

дывая в её бездонные глаза. — Такая погода приятная. Тишина. Я даже и не думал, что в городке настолько спокойно.

Девушка покорно стояла возле меня, будто всё чего-то ждала.

— А ты домой не собиралась на выходные? — вдруг спросил я.

— Нет, я бы тогда на эту тренировку не пошла, а сразу поехала. Да и, если честно, что-то не хочется.

— Ну, пока? — я развёл руки в стороны.

— Скоро встретимся, да? — марсианка украдкой взглянула на меня, заключая наши тела в свои тёплые, такие искренние объятия.

— Конечно...

И мы разошлись в разные стороны, оборачиваясь друг на друга...

...Я быстро добрался до дома, поднялся до своей квартиры. Стоило лишь мне захлопнуть дверь, как жилище встретило холодным и неприветливым воздухом. Вид пустой квартиры повлиял на меня самым грустным образом, и почему-то мне стало настолько одиноко, что я плюхнулся на свою постель и просидел на ней несколько минут, пока не смог подняться.

Из последних сил я принял душ, разложил сумку и, погасив свет, упал в постель. В моей голове почему-то не было никаких мыслей, поэтому я даже не заметил, как уснул...

«...В современном обществе недопустимо разделять обыкновенных людей, магов и людей-животных, так как все они являются полноправными членами социума и имеют равные права во всех аспектах. Однако следует понимать, что во время организационных работ требуется учитывать особенности каждого индивида.

Обычные люди (в том числе маги и марсиане) обычно не вызывают проблем, так как не требуют индивидуальных условий для учёбы и работы. С людьми-животными ситуация обстоит сложнее, так, например, люди-жирафы отличаются от других большим ростом, следовательно, инфраструктура должна активно подстраиваться под эту задачу. Люди-шакалы и люди-раки не выделяют собой особые нужды. Люди-цихлиды являются самой сложной задачей, поскольку они, в силу строения своего организма, не имеют возможности длительное время обходиться без воды...»

*«Организация доступности среды для различных людей»,
выдержка из первого параграфа.*

*Учебник для всех форм обучения за авторством доцента
кафедры «Техносферная и магическая безопасности»
Дамира Владимировича Козлова.*

Часть вторая. Мы разрабатываем очень секретный план.

Утро было холодным.

Шальной ветер, ничем не обремененный, будто не находил себе места, задувая протяжные песни на улицах, подбрасывая вверх на многие метры одинокие листья только для того, чтобы опустить их обратно где-то вдалеке. От своего серого безделья он заглядывал в окна суперхрущёвки, пытался дуть через закрытые окна, но после бросал эту затею и возвращался к пустым улицам возле кампуса.

Несмотря на то, что никто не прерывал мой сладкий сон, я проснулся с каким-то необъяснимым чувством недосказанности и, кажется, даже немного расстроенным.

Я обнаружил своё брэнное тело в таком же положении, в котором и заснул, то есть в мятой постели. С утра моя квартира приобретала какой-то необъяснимый характер: тишина холостяцкого жилища будто бы давила на меня мыслью, что никто не может её разрушить, кроме меня. Что ж, такова взрослая жизнь. Одеяло, принявшее форму почти скрученного треугольника, съехавшая со своего места подушка, выбитая наволочка из-под матраса — всё указывало на беспокойную ночь. Возможно, причиной моего ночного движения

оказалось странное сновидение, однако я не мог вспомнить его.

Полежав ещё пару минут в кровати, я с большим трудом выполз из постели и поймал себя на мысли, что идея о предстоящем выходном дне не придает мне никакой уверенности и точно не дарит радости. Увы, причину подобного настроения назвать я затруднялся.

Мой безжалостно побитый вчерашним утром будильник показывал, что время уже давно приближалось к обеду.

Глядя куда-то в потолок, я как следует потянулся, слушая хруст всего тела и чувствуя пронзительную и тупую боль, которой отзывались перегруженные вчерашней тренировкой мышцы. Наспех натянув домашнюю одежду в виде растянутой футболки и потёртых шорт, я начал прикидывать в голове варианты предстоящих дел.

Но мою утреннюю сонливость решили стереть в порошок, сделать это осмелился внезапный и от того пугающий стук, к тому же совсем не простой, а стук в окно!

Стук в окно. На каком этаже я живу?

Моё тело моментально дёрнулось всеми мышцами, будто пытаюсь прыгнуть с места метров на пятьдесят вперёд, но вместо этого оно, как и всегда, лишь осталось в прежнем положении. В это же время мой будто бы облитый раскалённым свинцом мозг стал судорожно перебирать возможные причины паранормального явления: может быть, промышленный альпинист решил пожелать мне доброго утра или Ираи-

да уговорила какого-нибудь старшекурсника наколдовать ей крылья... Короче говоря, подбирать варианты у него получалось довольно медлительно и непонятно, словно он дрожащими пальцами пытался пересчитать тяжелые папки в картотеке.

Не найдя нужного мне ответа, я вдруг прикинул, что стою на месте уже добрые несколько секунд. А что мне оставалось делать в состоянии шока? На пятках прыгать?! Действительно, мою неповоротливость подтвердил загадочный гость и повторил стук.

Я подошел к окну и одним ловким движением отодвинул шторы. За окном был... Кот. Минуту, кот?

И действительно, кто угодно в данный момент мог подтвердить, что я нахожусь в здравом уме, наблюдая прямо за окном моего жилища какое-то сказочное существо: почти полностью чёрный кот с большим белым пятном на груди махал какими-то неестественно большими белыми крыльями, как у пегаса (как будто наличие крыльев у кота является естественным!). Таким образом, он поддерживал своё тело в воздухе, прямо напротив моего окна, одной лапой он придерживал большую синюю сумку, которая непонятно как могла транспортироваться таким небольшим существом.

Я решил, что довольно неприлично беседовать со своим сумасшествием через стекло, поэтому я повернул ручку и отворил окно настежь.

– Доброе утро, суперхрущ! УрМПУ передает вам при-

вет! — сказало своим механическим и бесполом голосом мифическое животное, даже не открывая пасти при этом, махая без усталы крыльями, которые произрастали прямо из спины кошачьего.

Я выдохнул. Или выдохнулся. Это был Галстук, местная достопримечательность. Или почтальон. Или всё вместе.

Всё началось много лет назад, когда в нашем университете жила настоящая легенда — обычный чёрный кот, на груди которого красовалось громадное белое пятно в виде перевернутого треугольника, которое напоминало жолатский галстук, от этого и пошло его прозвище. Никто не знал или не помнил, как кот появился в университете, но Галстук каждое утро сидел у крыльца, провожал воодушевляющим взглядом студентов на занятия, а вечером отдыхал на лавочке у какого-нибудь общежития.

И никто не знал, какое именно здание выберет четвероногий, поэтому считалось, что обитателей удачливой общаги будет посещать невероятная удача на протяжении недели, например, незадачливый препод типа Килопчелова закроет глаза на подсказывающего по Червоточине друга на зачёте или продавщица в столовой не заметит шоколадный батончик на подносе голодного студента.

К сожалению, наш первый курс не успел застать Галстука в настоящем облики: примерно под конец предшествующего учебного года, когда у старших учеников университета с факультета аномалий проходила практика по контролю Чер-

воточин, кот скоропостижно погиб. К сожалению, эта история нам передавалась только старшаками в виде баек, поэтому мы лишь могли сами решать, принимать её за чистую монету или нет. А дело было так: студенты стояли в парке перед зданием университета и по очереди открывали Червоточины на лужайке между многочисленными дорожками. Далее мнения разделялись: кто-то говорил, что Галстук сам прыгнул в открывшуюся бездну, кто-то утверждал обратное, мол, кот просто прогуливался по улице во время этого инцидента. Но одно было известно точно – бедный кот угодил в аномалию, а поскольку она создавалась неопытным аномалиеологом, для котов она была явно не рассчитана, и Галстука выбросило уже погибшим.

Однако старшекурсники не смогли примириться со смертью своего любимца и решили во что бы то ни стало вернуть Галстука к жизни. Объединив силы нескольких групп, старшекурсники-маги создали полноценную магическую копию кота, снабдив её самодельными крыльями, которые были интегрированы в нервную систему клона и управлялись магическими связями. Решили и подарить воскресшему возможность говорить, внедрив в кошачий рот простой модуль синтеза речи, поскольку ротовая полость не могла издавать человеческую речь. А чтобы новый Галстук имел пользу, его снабдили сумкой и заставили работать университетским почтальоном, благодаря чему каждый студент мог отправить другу что угодно. С тех пор кот-почтальон стал неотъемле-

мой частью УрМПУ, а один студент-колдун даже защитил дипломную работу, основанную на этом чуде магии.

Тем временем кот вытащил из своей сумки сложенный в несколько раз тетрадный лист и протянул его мне. Я аккуратно высунул руку из оконного проёма, взял бумагу из пушистой лапы усатого почтальона и повертел в руках импровизированное письмо.

– А от кого оно? – я вопросительно посмотрел на кота.

Разговаривать с кошачьими, конечно, немного смахивает на сумасшествие, но ведь он мне отвечал!.. Хотя, будь я сумасшедшим, ответил бы то же самое.

– К сожалению, адресант пожелал остаться анонимным, однако могу подсказать, что у него была огромная клешня вместо одной руки. Бедный! – кот вдруг сделал такое грустное выражение, что мне его стало жаль!

– Это кто тебе такое сказал? Он же?

– Да!

– Эх, – махнул рукой я. Как хорошо всё-таки иметь вторую руку вместо клешни! – Ты побольше слушай этого Острякова. Он у меня ещё будет танцевать.

– Больше почты нет.

– Подожди, не улетай! – я взял со стола листочек и, написав пару фраз о том, что человек-рак является, мягко говоря, нехорошим человеком и что ему необходимо идти пересдавать вчерашнюю работу по маговедению, сложил его в несколько раз и передал коту. – Держи, передай раку, скажи,

что от Килопчёлова.

– Рад стараться! – помахал мне лапой кот и упорхал куда-то вниз продолжать свой нелёгкий путь почтальона.

Я с довольной ухмылкой закрыл окно и отошёл на середину комнаты. Вдруг я вспомнил, что напрочь забыл как-то отблагодарить этого работягу хотя бы каким-нибудь крекером, поэтому мысленно наказал себе обязательно сделать это в следующий раз.

Пришло время посмотреть, что в письме мне передал Остряков. Почему-то я уверил себя, что внутри окажется что-то смешное или глупое, может быть, всё вместе, но лист я быстро развернул. С бумаги на меня смотрел какой-то набросок карандашом мужчины средних лет, округлое лицо которого казалось мне до боли знакомым: короткие и торчащие во все стороны волосы, будто он только проснулся после похмелья, прямоугольные очки на кончике носа-картошки, подозрительная ухмылка и огромное пузо.

Я посмеялся, потому что сразу же узнал в этой картине декана нашего факультета исследования паранормальных процессов – Дамира Владимировича Козлова. На самом деле он принимал активное участие в нашей студенческой жизни, поскольку вёл у нашего потока весьма занятную дисциплину по аномалиям, однако самое удивительное заключалось в том, что он был обыкновенным человеком и разбирался в магии только на среднем уровне. Помимо этого в университете он числился заместителем ректора по воспитательной

работе, поэтому был весьма узнаваемым человеком в нашем учебном заведении. Дамир Владимирович являлся завсегда-таем наших шуток и анекдотов, потому что вместе с ним по университету гуляла байка о том, что если Козлов входит в помещение, то перед этим в него помещается его пузо!

Повесив картину декана на стену, я решил привести себя в порядок, и утро пошло по своим рельсам. Утренняя рутина прошла так же, как и в пятницу – я обвёл глазами комнату, не забыв обделить вниманием гантели, и пошёл в ванную. Я помыл голову и высушил волосы феном, после чего на одних рефлексах почистил зубы.

В зеркале меня встретило точно такое же отражение, которое я видел каждый день, только теперь щетина уже активно просматривалась на моём подбородке, ложась на нём неопрятными волосками. Я заглянул в подраковинный шкафчик, в который я практически ничего не клал, от этого он выглядел необжитым и полупустым, после чего достал оттуда одноразовый станок.

Я решил побриться, пока размышлял о жизни.

«Интересная штука, получается, Остряков вроде и такой прогульщик, а ещё мечтал полковником стать в детстве, да как же он им собирался стать, если на пары не ходит?» – думал я, пока водил станком туда-сюда.

Вдруг станок резко сорвался и одним неловким движением разрезал мой подбородок прямо под нижней губой. Я скривился от боли и сразу заметил, как из продолговатого

разреза сочиться кровь. От этого неосторожного пореза я невольно отшатнулся и задел бутылку шампуня, стоящую рядом, после чего тара с грохотом упала вниз!

Внезапное падение бутылки так сильно меня разозлило, что я наклонился к ней и, выставив ладонь, использовал заклинание под названием Нестерпимый Жар. Тут же моя марсианская кишка запульсировала, а из руки показался маленький огонёк, который как следует разогрел шампунь, но не расплавил его. Мне просто захотелось немного проучить непослушную бутылку.

– Вот так, будешь знать! – посмеялся я, после чего поставил тару на место и наложил пластырь.

Поскольку сегодня ко мне должны были пожаловать гости в виде Острякова и Владлена, то стоило подготовиться к их приходу, поэтому я потратил некоторое время на приборку моей берлоги: пропылесосил ковёр, сложил диван, тщательно отмыл всю скопившуюся грязную посуду и аккуратно расставил её в шкафчике.

Когда мой внезапный приход работоспособности в один момент улетучился, я еле как натянул одежду и вышел из своей суперхрущёвки.

На улице была приятная и тёплая погода: солнце светило ярко, изо всех сил пробивая лучами какие-то безжизненные и серые облака, пока шальной ветер гулял по улицам города, будто бы от скуки отрывая от земли одинокие листья. Я неторопливо шёл рядом с университетским городком, но на этот

раз он выглядел крайне безжизненно и пусто, и я не встречал знакомых мне студентов, вызвано это было, скорее всего, долгожданными выходными, во время которых иногородние получали отличных шанс вернуться домой.

На улице я сходил в магазин, закупил немного овощей для закусок, несколько бутылок содовой «Три магини», которые были по всей стране.

В скором времени я вернулся домой, аккуратно и без спешки разложил продукты на полки холодильника, после чего вымыл руки водой. Ещё мне вдруг в голову пришла идея о столе, за которым должны были разместиться все гости, поэтому я просто перенёс стол из кухни в гостиную.

В скором времени раздался звонок. Это было хорошим знаком, поскольку Ираида никогда не пользовалась им, если решала нагреть ко мне в гости. Я дошёл до двери и ловко отворил её, заметив, что движения, требуемые для совершения данной операции, у меня получаются естественными и стремительными, будто бы помогает какое-то радостное предчувствие. На пороге, как я и предполагал, стоял Остряков в своих излюбленных растянутых джинсах, бархатных зелёных кроссовках и белой кофте с несуразными надписями на английском, которую он носил, судя по всему, лет с четырнадцати, по-дурацки улыбаясь мне, одну руку он держал в кармане толстовки, пока его другая конечность болталась возле бедра, поскольку клешня не помещалась в кармашек.

– Ну, чего ты встал? – расхохотался человек-рак, смотря

на меня каким-то чересчур весёлым взглядом. – Здравить, браток!

Он поздоровался со мной так, как здоровался почти со всеми своими друзьями, когда был в хорошем настроении – в ответ на мою поднятую правую руку он сначала обхватил её клешнёй, а потом как следует сдавил. Я скривился от боли, и лишь ударив ему куда-то в район солнечного сплетения, смог освободиться из этой смертельной хватки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.